

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Балет — мост между душами людей

Недавно на сцене Государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра оперы и балета Латвийской ССР с большим успехом прошли гастроли солиста Государственного театра оперы и балета Украинской ССР им. Т. Шевченко, заслуженного артиста Украинской ССР Сергея Лукина. Он исполнил партию Альберта в балете «Жизель».

Язык искусства интернационален. Он понятен каждому. Творческие обмены, гастроли дают нам возможность лучше познакомиться с традициями, национальными особенностями, искусством народов братских республик. Наш корреспондент встретился с СЕРГЕЕМ ЛУКИНЫМ и попросил его ответить на ряд вопросов.

— Если вы не возражаете, давайте вспомним далекое время. Кем вы мечтали стать в детстве?

— Знаете, мне довольно трудно ответить на этот вопрос. Дело в том, что я не могу сказать, что в детстве мечтал стать летчиком, трактористом или художником. В общем-то, если говорить честно, профессию мне выбрали родители. Ведь я из артистической семьи. Мои родители — профессиональные танцовщики. Вспоминая примерно такой разговор. «Ты хочешь танцевать?» Я пожал плечами и ответил: «Да». Меня отдали в Киевское хореографическое училище. Вот так я и стал артистом балета.

— Вы, наверное, помните свою первую роль. С чем вы дебютировали на сцене?

— Это была партия Франца в балете Делиба «Копеллия». Сейчас я танцую почти весь репертуар театра. Но эта роль... Пожалуй, ее можно сравнить с первой любовью. Я был и рад, и взволнован, и... Трудно передать словами все те чувства, которые я тогда

испытывал.

— И после этой роли вы сразу почувствовали себя настоящим артистом?

— Нет, до этого было еще далеко. Балет — это труд. Упорный, кропотливый. К тому же, я вскоре стал выступать вместе с нашей известной артисткой Ираидой Лукашовой. И нужно было сделать много, очень много для того, чтобы в полной мере ощутить себя достойным партнером.

— Не могли бы вы поделиться чувством артиста на сцене. Что это — какое-то особенное состояние человека?

— Насколько я могу понять, вы хотите спросить, остается ли человек, артист, сам собой в момент творчества. Я трудно сказал бы, даже нехотя, вхожу в роль. У каждого это по-разному. Всегда стараюсь понять, что мне нужно станцевать, прочувствовать образ. Мне довелось слышать мнение специалистов, что Сергею Лукину, мол, лучше удаются лирические партии. Но считаю, чем больше ролей, тем лучше для артиста. Это обогащает. Дает возможность лучше при-

смотреться к себе, почувствовать себя, привести в образ что-то личное.

— Можно ли считать, что вы довольны своими работами?

— Я уже говорил, что лежит в основе балета. Добавлю — это еще и поиск. Никогда не могу сказать, что станцевал так, как мне бы того хотелось. Бывает, когда уходишь со сцены, остается чувство неудовлетворенности. Начинаешь думать, что вот тут недотянул, а там перегнул. В такие моменты очень хочется опять выйти на сцену и все-все перетанцевать сначала. Может быть, публика и не заметила каких-то нюансов, но вот именно они-то и не дают покоя. Сейчас я танцую вместе с народной артисткой Украинской ССР Людмилой Сморгачевой. И, пожалуй, можно сказать, что сегодняшний наш выход не похож на вчерашний и не будет похож на завтрашний. Мы всегда идем что-то новое, какие-то новые повороты в роли, оттенки настроения, стремимся не останавливаться на достигнутом, постоянно совершенствовать партию, оттачивать мастерство. Бывает, что в театре, скажем, несколько дней не идут балеты. Тогда мы прогоняем давно не исполнявшиеся партии и ищем, ищем. Надо сказать, что тут во многом помогает кино. Это тот случай, когда лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Здесь сразу, как на ладони, видны все ошибки.

— Скажите, пожалуйста, на-

сколько для вас важен, трудно подобрать слово... текст партии, смысловая нагрузка?

— Танцевать бессмыслицу, извините за каламбур, бессмысленно. Человеческое тело — тончайший инструмент. При помощи его можно выразить все оттенки чувств, настроения, характера. Думаю, что зритель хочет видеть на сцене не нечто отвлеченное и надуманное — он желает лицезреть живых людей со всеми их сложностями и проблемами. Я — реалист и, естественно, стою за реализм в искусстве.

— Здесь мы с вами коснулись вечной проблемы. Что же такое искусство? И в чем, по-вашему, секрет искусства танца, балета?

— Чтобы полно ответить на ваш вопрос, нужны десятки тысяч слов. Для меня искусство предполагает понимание тайны времени. Помните, Чаадаев писал Пушкину, что нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище человека, не понимающего свой век и свое призвание. Искусство — это язык для передачи высших духовных ценностей, мост между душами людей. Балет — искусство чрезвычайно условное. В этом я вижу и его величие и хрупкость одновременно. Музыка, а особенно музыка в сочетании с танцем, выражает все, что не может не волновать человека. Балет способен передать весь сложный мир его душевных переживаний. И это будет понятно и жителю Скандинавских стран, и японцу, и американцу, и кувейтцу и итальянцу — всем народам. Сужу об этом по своим гастролям за границей.

— Но человека волнует и игра драматического актера. При

помощи жеста, мимики, интонации передаются тонкие состояния души. В связи с этим возникает вопрос взаимодействия драматического театра и балета. Нужны ли танцовщику навыки драматического актера?

— Балету — балетное. Это прежде всего. Если вы хотите посмотреть пьесу, вы пойдете в драматический театр. Балет, по-моему, — это еще более тонкое действо, ибо больше воздействует не на сознание, а на чувство. Конечно, танцовщик должен быть отчасти драматическим актером. Ведь есть ряд классических балетов, где важен не только танец, но и мимика, каждый жест. А это как раз и идет от драматического театра. И без классики, без хорошего знания и понимания ее, уверен, не могло бы родиться что-нибудь толковое в балете. Ведь классика — это основа основ, базис, на котором строится уже все остальное. Именно поэтому она волнует и будет волновать, потому что в ней затрагиваются вечные проблемы человеческого бытия.

— Обычно актеры на вопрос о любимой роли отвечают уклончиво. Часто говорят, что любимая роль — это та, которая еще не сыграна...

— Я тоже не могу конкретно ответить на этот вопрос. Все роли мне так или иначе дороги. Артист всегда жаждет до работы, и следующая роль, кажется, будет обязательно любимой. Наверное, иначе и не может быть, если хочешь станцевать партию по-настоящему хорошо, отдать ей частицу себя самого, своей души.

— Благодарю за интервью.

Гостя расспрашивал
В. Нахтман.